

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-56-62

ПОЭТИКА СТЕПНОГО ПЕЙЗАЖА В ЛИРИКЕ П. ВАСИЛЬЕВА

Косяков Г.В.

*Омский государственный педагогический университет
644099, г. Омск, наб. им. Тухачевского, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье рассматриваются особенности художественной картины мира П. Васильева. Выделяются и описываются колористические и акустические особенности степного пейзажа. Делаются выводы относительно особенностей индивидуального мифотворчества сибирского поэта в освоении мифологемы коня, мотива странничества, солярной символики. Осмысливается образное представление Васильева о степном мире как сфере межкультурного диалога различных этносов.

Ключевые слова: художественная картина мира, хронотоп, пейзаж, странник, этнос.

THE POETRY OF A STEPPE LANDSCAPE IN POEMS BY P. VASILYEV

G. Kosyakov

*Omsk State Pedagogical University
14, Nab. Tyhachevskogo, Omsk, Russian Federation, 644099*

Abstract. The article considers the features of artistic picture of the world of P. Vasilyev. The author distinguishes and describes the colour and the acoustic features of the steppe landscape, and comes to conclusions about the peculiarities of the solar symbolism. Vasilyev's figurative representation of the steppe is interpreted as the sphere of intercultural dialogue between different ethnic groups.

Keywords: artistic picture of the world, chronotop, view, wanderer, ethnos.

Павел Васильев (1910 – 1937) сформировался как поэт в поликультурной среде Северного Казахстана и Западной Сибири. Отечественное литературоведение пришло к осознанию значимости и глубокой самобытности творчества П. Васильева. Так, Э.Г. Шик указывает: «Взаимопроникновение эпического и лирического начал – эта характерная особенность поэтического творчества П. Васильева – сказывалась уже в первых его печатных выступлениях» [6, с. 48].

Ведущим мирообразом в лирике поэта выступает мирообраз степи, характеризующийся масштабностью, соотнесённый с мотивом дороги и акцентирующий этическую ценность воли, стремление человека к странничеству. Ключевыми в лирике Васильева выступают фольклорные образы полыни, ветра, орла, «степного коня», чаши. Наряду с этим в творчестве поэта отражены бытовые особенности различных народов, населявших степные просторы.

В стихотворении Васильева «Ярмарка в Куяндах» (1930), имеющем кольцевую композицию, пейзаж характеризуется динамичностью: «плывут орлы», «ветер трясёт полынь». Лирический зачин и финал представляют собой панорамное изображение степного края с высоты птичьего полёта: «Над степями плывут орлы...». В мифологии различных народов орёл символизирует «воплощение солнечной силы, огня и бессмертия» [7, с. 243]. Данный образ в произведении Васильева вводит комплекс представлений о степном мире как сфере опьяняющей полноты жизни, жара и воли. В лирическом зачине и в финале параллелизм небесного и земного миров акцентирует образные представления о воле и просторе. Хронотоп лирического текста характеризуется переходами от универсального к индивидуальному. В степном мире автор подчёркивает постоянное движение всего, что его наполняет. Поэтом вводятся топонимы: Тобол, Каркарлы, Атбасар. В произведении представлен фольклорный миробраз степного «раздолья», связанный с образами «горького ветра» и коня.

В произведении акцентирован апогей жизненной силы, образно соотносённой с жаром: «Горький ветер, жги и тумань...». Поэт подчёркивает универсальность, полноту природной жизни. В.И. Хомяков указывает на следующую поэтическую особенность творчества Васильева: «Ощущение поэтом избыточности бытия порождает усиление напряжённой энергии слова» [5, с. 55]. Дикая красота степной природы подчёркивается при помощи ярких метафор, в том числе построенных на контрастном сближении явле-

ний летней и зимней природы («золотая пурга овса»). Образные ряды жара и стужи придают произведению контрастность.

Поэтика лирического текста создаётся не только благодаря колористической («кумачовая вьюга») и акустической образности («поёт тяжелей», «долгий рёв»), но и ольфакторной образности («горький ветер», «душистых бань»). Резкими мазками создаются образы жителей степного края, при этом в произведении развивается мифопоэтическое представление о единстве всадника и коня:

*Пьёт джигит из касэ, – вина! –
Азиатскую супит бровь,
На бедре его скакуна
Вырезное его тавро* [3, с. 286].

В изображении наездников автор стремится оттенить этнические особенности, но в то же время подчёркивает характерную для всех них силу, удаль. Представители различных этносов («джигит», «казак», «киргиз») являются органичной частью степного мира, который служит для них общим домом, перекрёстком жизненных путей.

Полнота и сила природной жизни подчёркиваются и в стихотворении Васильева «Город Серафима Дагаева» (1931), где пейзажные образы контрастно соединяют в себе динамику и статику: «Небо в гусиных стаях, в медленных облаках...». Пейзажные образы, как и в рассмотренном выше лирическом тексте, соединяют в себе колористические и ольфакторные художественные детали, знаменуют полноту жизни: «Каждая дыня копит золото и аромат...». Урбанистическая, пейзажная и антропологическая образность органично соединяются.

Ключевым в произведении становится принцип повтора, который реализуется на ритмо-мелодическом, синтаксическом и лексическом уровнях, раскрывая размеренность жизни степного города. Значимую роль в создании образного представления о размеренной городской жизни играет мотив сна («сонные водовозы»). Резким контрастом размеренной жизни степного города служит динамичный образный ряд гражданской войны («крупный свинцовый град»). Революционная стихия символически соотнесена с петухом, который в лирическом контексте знаменует силу огня, очищение мира через войну, рождение нового, что созвучно фольклорной традиции: «Громко кричит над миром, крылья раскрыв, петух...». В рамках небольшого лирического текста отражена динамика истории, обновления мира.

Жизненный максимализм, дух странничества отражены также в стихотворении Васильева «Переселенцы» (1931). Поэт раскрывает в человеке его природную, физическую основу («золотое тело»). В стихотворении поэтизируется походный быт; возникает антитеза цивилизации, оседлого мира и стихии, первозданной природы. Освобождаясь от социума, человек постигает свою родовую основу, единство с природой, стихиями: «Снимаем штиблеты, моем ноги водой её...». Поэт раскрывает архаическое, интуитивное устремление человека к открытию новых земель, новых дорог:

*Где ждут озёра, солью пропитанные
до дна,*

*Где можно строить жилища для
жён своих и детей,*

*Где можно небо увидеть, потерянное
меж ветвей [3, с. 289].*

Произведение начинается личным местоимением «ты», которое нацеливает на сокровенный диалог и исповедь. В дальнейшем же доминирует личное местоимение «мы», подчёркивающее родовое устремление человечества. Экспрессию лирическому тексту придают анафоры и переносы, которые оформляют умеренную торжественность, органичную для заповеди.

Ключевыми образами в произведении выступают ветер, знаменующий собой силу природной стихии, и трава, утверждающая опьяняющую красоту и полноту жизни степного раздолья («трав полуденный дым»). Пейзажные образы в лирическом тексте предельно лаконичны и динамичны. Странники устремлены на восток, который в русской культуре является сакральной стороной света, соотнесённой с таинством спасения и преображения мира Христом, с раем сладости, с будущим. А. Афанасьев указывал, что в картине мира славян восток воспринимался как «страна воскресающего солнца, был признан за блаженное царство весны» [1, с. 277]. В произведении Васильева с востоком человек связывает поиск идеала, обновлённой жизни, но в то же время возвращение к своим истокам.

Особенностью хронотопа является то, что сначала в лирическом тексте акцентирована пространственная горизонталь, а в финале проявлена пространственная вертикаль, раскрывающая стремление человека к покорению неба, космоса: «И древнюю человечью любовь к соседней звезде...». Уверенность в неисчерпаемых возможностях человека корреспондирует к музыке Бетховена («старый Бетховен»), ко-

торая включается в образный ряд природной стихии («сыграет бурю на ней»). В произведении возникает созвучие стихии и человеческого духа. Авторский идеал, образная система произведения созвучны поэтике неоромантизма.

Традиционно центральное место в изображении степной природы занимает образ коня, с которым связано множество мифологических представлений индоевропейских народов, в частности, о божественном и богатырском коне, о единстве всадника и коня, о коне как посреднике между земным и небесным мирами, а также представление о «боге солнца на боевой колеснице, запряжённой конями» [2, с. 299]. В стихотворении Васильева «Конь» (1832) данный фольклорный образ приобретает трагическое звучание. Произведение построено на системе антитез рождения и смерти, голода и изобилия, холода и весеннего цветения жизни. Образно, лексически произведение близко традициям русского фольклора:

Ходит павлин павлином

В печке огонь,

Собирает угли клювом горячим [3, с. 293].

Традициям русского фольклора близко олицетворённое изображение ворона, огня и коня. В лирическом контексте происходит мифопоэтическое сближение коня и птицы; образ коня соотносится с земной, водной и небесной сферами: «Небо зачерпывал копытом...». Как и в фольклорной традиции, конь в произведении Васильева – значимый участник свадебного обряда. Поэт отражает звуки, запахи и краски станичной жизни. Образом, утверждающим полноту природной

жизни, служит «струнное кобылье молото».

Неукротимая сила и красота коня изображается и в стихотворении Васильева «Тройка» (1933), где с конями связаны образные представления о демонической сфере («как баня», «зверья стать», «рыжая и злая»). Постоянная образная деталь в изображении коня Васильевым – звезда на лбу, отражающая мифопоэтическое представление о его сопричастности небесному, горнему миру. Конь в поэтической картине мира Васильева – это воплощение неукротимой силы природы, её жара, огня жизни.

В зачине поэмы Васильева «Лето» (1932) благодаря образам рек Оби, Иртыша и Волги создаётся масштабный образ Родины. Возникает панорамная картина с высоты птичьего полета. Степь метафорически сближается с морской стихией: «Возы прошли по гребням пенным...». Как и в других произведениях Васильева, в рассматриваемой поэме доминирует образное представление об органичном единстве природного мира и жизни крестьян. В лирическом контексте возникают образы представителей различных этносов («весёлые хохлы»). В изображении летней природы доминируют образные ряды сладости («такая сладость в лете», «в медовом, тёплом свете», «медовая заря», «тяжёлый мёд», «медовый цвет»), плодородия («ладны будут дети») и безудержного веселья («статный дуб сорвался с места»). В образности поэмы значимое место занимают фольклорные образы («купчиха-масленица», «венки»), которые обращают в сферу календарного цикла народных праздников. Метафоры и сравнения в поэме построены на

основе сближения земного и небесного миров:

*Я буду белые ромашки,
Как звёзды в небе, собирать*
[3, с. 299].

Изображение цикличности и красоты природной жизни оформляет эпический план поэмы, а авторские размышления о молодости, старости и любви вводят лирическую тональность. Поэт отходит от традиционной резкой антитезы зимней и летней природы: в изображении января поэт использует метафору, которая обращает к процессу сбора урожая («цветные копны и снега»). Летняя и зимняя природа в равной степени противопоставлены смерти, разложению, «гнили». Поэма проникнута чувством принятия бытия, жизни, её радостей и горестей. Охранительной силой в поэме наделяется образ «синеглазых цветов», который соотнесён не только с миром природы, летом, но и с иконами, с бытом представителей различных этносов: «На белых кошмах Казахстана». Образ цветов, по мысли автора, возвращает человека в мир «большого лета», в эпоху юности. В поэме поэтизируются любовь и домашний очаг, создающие охранительную сферу. Поэма завершается проникновенной лирической сценой.

Пейзажные образы органично включаются и в любовную лирику Васильева, создавая яркие зрительные ощущения: «Через жёлтые зори, через пески Казахстана...» («Евгения Стэнман», 1932). Состояния природы вызывают у автора стремление к самопознанию, к откровению глубинных переживаний. В женских портретах, как и в пейзажах, Васильев стремится отразить полноту, избыток жизненных

сил: «яростное тело», «с ядрами грудей позолотело», «телесный твой избыток» («Стихи в честь Натальи», 1934). Идеал женской красоты в лирике Васильева органично соединяет простоту и величавость. Женщина в его поэзии служит откровением природного огня, света, источника жизни: «Больше всех любовью разогрета...» («Стихи в честь Натальи»). Прославление женской красоты соединяется с гимном во славу природы и жизни. Образ лирического адресата в послании отсылает к народной песенной традиции и к поэзии Н.А. Некрасова.

Колористический эпитет «золотой» является в лирике Васильева постоянным в изображении не только природы, но и человека. Так, голос брата в стихотворении «Клятва на чаше» (1934) определяется рядом эпитетов: «Ярмарочный, громкий, золотой». Эпитет «золотой» является частотным в русской классической поэзии, в лирике русских поэтов 1910-х – 1930-х гг.: «То сучья золотых стволов...» (С. Есенин «Душа грустит о небесах...», 1919); «Целовать золотые следы...» (А. Ганин «Кто-то тихо пропел за полями...», 1918 – 1920); «Берёзы в золотом зною» (С. Клычков «В багровом полыме осины...», 1925); «Поёт золотая тростинка» (Н. Клюев «Над свежей могилой любви...», 1933); «Оглядел золотой простор» (Б. Корнилов «Из автобиографии», 1935). Многогранная семантика данного колористического эпитета включает сакральную составляющую, связанную с религиозными представлениями о святости, о мироздании как творении Божиим, о горнем мире, о Боге: «О, золотой ковчег, о Светлый Град» (П. Карпов «Заклиание России», 1918); «Золотые пальцы

Саваофа» (А. Ганин «Гору скорби День взвалил на плечи...», 1918 –1919). Колористический эпитет «золотой» в русской литературе восходит как к фольклорной традиции, так и к православной книжности и иконографии, к её, по выражению Е.Н. Трубецкого, «солнечной мистике» [4, с. 362].

Природные образы в художественном мире Васильева участвуют в оформлении и мотивного комплекса дружбы, поэтического дара («Прощание с друзьями», 1936). В степной природе Васильев видит основной источник своего вдохновения. Пейзажные образы в послании «Прощание с друзьями» приобретают надрывную тональность, обусловленную расставанием не только с друзьями, но и с молодостью, с малой родиной и с близкими («полыни запах»).

Итак, в поэзии Васильева в изображении степного края доминирует

мотив опьяняющей красоты, силы и полноты природной жизни. Ключевыми образами, воплощающими данный мотив, являются ветер, травы, конь. Васильев – поэт природного жара, огня как источника жизни. В изображении избыточной красоты природы поэт соединяет колористическую, акустическую и ольфакторную образность. Степной мир в лирике Васильева густо населён и динамичен. В степном мире природное и человеческое неразрывно связаны. В лирике Васильева отражены исторические катаклизмы, однако поэт в большей степени обращён к изображению природного, т.е. субстанционального и родового. Изображая степной мир, поэт фокусирует внимание в равной степени на универсальном и на индивидуальном. Миробраз степного раздолья в лирике Васильева раскрывает укоренённое в человеке стремление к странничеству.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т. 1. М.: Индрик, 1994. 801 с.
2. Иванов В.В. Конь // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. Т. 1. М.: Советская Энциклопедия, 1991. С. 666.
3. Мы – дети страшных лет России... / Сост. С.С. Куняев и А.С. Кузьмичевский. М.: Сов. Россия, 1991. 416 с.
4. Трубецкой Е.Н. Избранное. М.: Канон, 1995. 480 с.
5. Хомяков В.И. Мифопоэтика огня в поэзии Павла Васильева // Вопросы фольклора и литературы (по материалам межвузовской конференции): Сб. ст. / Отв. ред. А.Э. Еремеев. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. С. 53-59.
6. Шик Э.Г. Литературный Омск в XX веке / Сост. Л.Л. Дашьянц, А.Э. Лейфер. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. 296 с.
7. Шуклин В.В. Русский мифологический словарь. Екатеринбург: Уральское изд-во, 2001. 384 с.

REFERENCES

1. Afanas'ev A. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: V 3 t. T. 1 [Poetic views of the Slavs on nature: In 3 vols. Vol. 1]. M., Indrik, 1994. 801 p.
2. Ivanov V.V. Kon' [Horse] // Mify narodov mira: Entsiklopediya v 2 t. T. 1 [Myths of the world: an encyclopedia in 2 vols. Vol. 1]. M., Sovetskaya Entsiklopediya, 1991. pp. 666
3. My - deti strashnykh let Rossii... [We are the children of Russian terrible years]. M., Sov.

Rossiya, 1991. 416 p.

4. Trubetskoi E.N. Izbrannoe [Selected works]. M., Kanon, 1995. 480 p.

5. Khomyakov V.I. Mifopoetika ognya v poezii Pavla Vasil'eva [Poetics of fire in the poetry of Pavel Vasilyev] // Voprosy fol'klora i literatury (po materialam mezhvuzovskoi konferentsii): Sb. st. [The issues of folklore and literature (on the materials of the interuniversity conference): Coll. papers] / Resp. ed. A.E. Eremeev. Omsk, Izd-vo OmGPU, 2003. pp. 53-59.

6. Shik E.G. Literaturnyi Omsk v KHKH veke [Literary Omsk in the 20th century] / Comp. by L.Dashyanz and A.Leifer. Omsk, Izd-vo OmGPU, 2010. 296 p.

7. Shuklin V.V. Russkii mifologicheskii slovar' [Russian mythological dictionary]. Ekaterinburg, Ural'skoe izd-vo, 2001. 384 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Косяков Геннадий Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета;

e-mail: gen777kos@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gennadiy Kosyakov – doctor of Philological Sciences, professor, professor at the department of Literature and Cultural studies of Omsk State Pedagogical University;

e-mail: gen777kos@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Косяков Г.В. Поэтика степного пейзажа в лирике П. Васильева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 56-62.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-56-62

CORRECT REFERENCE

G. Kosyakov. The poetry of a steppe landscape in poems by P. Vasilyev // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 56-62.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-56-62